

Александр Маурер Шарль Секретан: эволюция его мысли

В.П. Визгин

Предисловие к переводу

Визгин Виктор Павлович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vizgin.victor@yandex.ru

Публикуемая в переводе статья швейцарского автора ярко и выразительно раскрывает характер личности и творчества Шарля Секретана (1815–1895), выдающегося философа Швейцарии XIX в., в том историческом контексте, в котором они развивались. Автор статьи убедительно показывает трудность однозначной историко-философской характеристики философии Секретана, в основе которой лежит религиозно-метафизическое учение о свободе и моральном обязательстве. К освещению философии Секретана Маурер подходит, пытаясь ее понять не только как результат определенных философско-религиозных влияний, но и как отражение «своего времени и своей страны». Ход эволюции творчества Секретана автор статьи представляет как уход от спекулятивно-дедуктивного метода немецких идеалистов-систематиков, характерного для ее первого периода, что проявляется в обращении швейцарского философа к актуальной моральной и социополитической проблематике его времени. Статья Маурера может быть полезна не только специалистам по истории философии, но и более широкому кругу читателей, интересующихся мыслью XIX столетия, без знания которой невозможно понять и современную западную философию.

Ключевые слова: Шарль Секретан, швейцарская философия, свобода, творение, грехопадение, искупление, немецкий романтизм, латинская и германская культурные традиции

Историки философии на Западе не забывают творчества Шарля Секретана, выдающегося швейцарского философа¹. О нем пишут статьи и исследования, защищают диссертации. Автор статьи, перевод которой мы предлагаем вниманию читателя, вряд ли является профессиональным историком философии. Но он лично хорошо

¹ У нас же в России только недавно появилась первая публикация о нем и его философии. См.: [Визгин, 2022].

знал Секретана и глубоко понимал его мысль, представляя ансамбль условий, в которых она возникала и развивалась.

Статья Маурера посвящена выходу в свет четвертого издания биографии Шарля Секретана, написанной его дочерью Луизой Секретан (1846–1920) [Secrétan L., 1912]. Педагог и писатель, она преподавала в школе имени Александра Вине (1797–1847), старшего друга и учителя ее отца, а также в высшей школе для девушек в родном для семейства Секретанов кантоне Во (Vaud).

Выразительно рисуя портрет швейцарского философа, А. Маурер, среди прочих изобразительных средств, использует оппозицию прогресса/реакции, что, отражая определенные реальности развития духа, в то же время остается в своей жесткости, на наш взгляд, сомнительным. «Теократическую школу» как синоним реакционного течения в первой половине XIX в. точнее было бы обозначить как «традиционалистское направление мысли» (де Местр, де Бональд, поздний Шеллинг и Фр. Шлегель). Мы считаем, что можно, с определенными уточнениями, отнести философию Секретана к французскому спиритуализму, идущему от Мен де Бирана и отличному от немецкого идеализма. Маурер же не различает классический немецкий идеализм и спиритуализм².

Сам Секретан, как и пишущий о нем Маурер, как и большинство интеллектуалов либерально-прогрессистского XIX в., далеки от предвосхищения потрясения, пережитого Европой в ходе Первой мировой войны. Это налагает определенные границы на их философское творчество, на его способность далеко забегать в будущее и, конечно же, на возможность углубленного метафизического познания за этими пределами.

Сделав эти замечания, дополним характеристику швейцарского философа, так ярко набросанную автором переведенной статьи, некоторыми важными для становления Секретана как человека и философа моментами его жизненного и творческого пути. Хотя воспитывался он в ориентированной на Францию культурной атмосфере франкоязычного кантона, родители направили его учиться в соседнюю Баварию, в которой, кстати, он нашел себе не только выдающихся учителей, таких как Шеллинг или натуралист Карл Шимпер, но и невесту, к тому же католичку. Все это не могло не оставить глубокого следа в его последующей жизни и творчестве, укрепив в нем дух универсализма, стремление к продуктивному согласованию культурных различий. Так в изначально смешанной франко-немецкой культурной среде воспитывался Секретан и складывалась его личность.

Набор ключевых вопросов во многом формирует проблемное поле изменений как в жизни людей, так и в их идейном мире. В юные годы Секретана такими событиями-потрясениями были и оставались идеи Просвещения, Французская революция и эпоха Наполеона. Еще в ранней молодости у Секретана сложилось негативное восприятие отношения деятелей Просвещения к религиозной традиции. Никогда он также не преклонялся перед личностью и делами Наполеона. Маурер эту тенденцию в биографии Секретана оценивает как свидетельство влияния на него «теократической школы», прежде всего в лице Баадера и позднего Шеллинга. Хотя в этом есть известный резон, но такая позиция нам представляется чересчур прямолинейной, опускающей другие немаловажные факторы.

В книге дочери философа идейная эволюция Секретана представлена многочисленными и разнообразными архивными документами. Читатель узнает из нее, что не только немецкая и французская культурные традиции оказали на него определяющее воздействие. Важным был вклад и британского, в частности шотландского, религиозного мистицизма. Его в семейном кругу Секретанов олицетворяла миссис Эмма Гордон, их отдаленная родственница, воспитывавшая в Швейцарии

² См. ниже. С. 95.

своих детей. В ее кругу рос и воспитывался будущий философ. «Религиозное пробуждение находилось тогда в своем апогее, – рассказывает дочь Секретана, – мадам Гордон была страстно им увлечена, и вокруг нее группировался кружок адептов, подобно истории с мадам Гюйон, но в уменьшенном масштабе» [Secrétan L., 1912, p. 43]. Отец Шарля Секретана был скорее вольтерьянцем и не мог разделять религиозного рвения сына. Сдержанная по натуре мать также не могла войти в духовную близость с ним. Поэтому среди близких он со своим религиозно-мистическим пылом чувствовал себя одиноким. Неудивительно, что Секретан вошел в круг духовного общения с миссис Гордон, что укрепило его христианско-моральный образ мыслей. Суть его религиозно настроенного умонастроения сводилась к тому, чтобы в моральном благе видеть последний смысл существования. Это чувство-убеждение, ставшее у Секретана устойчивым и опорным, обрело впоследствии свою разработку в его философском творчестве.

Русскому читателю, читающему в биографии Секретана фрагменты его переписки с А. Вине и вникающему в ее атмосферу рационально выстраиваемого религиозно-морального жизнотворчества, вряд ли удастся удержаться и не воскликнуть: уйма этики – слишком мало эстетики! Однако Секретан, двадцатилетний слушатель Шеллинга в Мюнхене, посещает не только университет, но и оперный театр. И пишет, как бы извиняясь, что не видит в том ничего плохого [Ibid., p. 89]. Внутренняя сдержанность по отношению к роскоши, удовольствиям и комфорту при всем его жизнелюбии сохранялась у него всегда. Так, например, пытаясь уйти у себя на родине от чрезмерной погруженности в журналистику и найти себе, при возможности, место профессора философии, он едет в 1850 г. в Париж, где знакомится с французскими философами и представителями философских журналов – Эмилем Сессе, Жюлем Симоном, Жюлем Бартеlemi-Сент-Илером, Феликсом Равессоном и другими – и дает всему этому кругу лиц обобщающую характеристику: «Все эти господа – прежде всего эпикурейцы, потом эклектики, затем вольтерьянцы – сообразно конкретному случаю»³. Для его кальвинистско-швейцарских глаз с их моралистическим прищуром по-другому и быть не может. Тем не менее в его жизни есть место и эстетике, художественно выражаемому восприятию жизни и природы. Но ведь оно, пусть и христианское, тоже рационалистическое по своему колориту! А это означает, что в нем, на наш вкус, слишком много рационального элемента. Но так уж устроена западная цивилизация и ее культура. Вся. Не будем воротить нос, а попытаемся вникнуть в нее, чтобы понять. А читая биографию Секретана, мы понимаем, что перед нами богато одаренная личность, открытая ко всему на свете, что циркулирует вокруг и будит мысль и чувство здесь, в Альпах, где срачиваются в одно целое латинская и германская ветви единого Запада.

А теперь скажем о том, что не моралью единой жил Секретан, художественная составляющая жизни которого тоже отражена в его биографии. Швейцарские Альпы питали поэтическое творчество не только их автохтонов, но и французов, например Ламартина⁴, обретавшего вдохновение, как и увлеченный его поэзией Секретан, на альпийских тропах вокруг Лемана. Есть искушение сказать о стихотворчестве будущего философа, что оно, подобно кантовской философии религии, в пределах только разума. Пусть в какой-то мере это и так. Но все же перед нами воображение и чувствительность души, рассказывающей о своих медитациях поэтическим языком.

³ Письмо жене от 20 марта 1850 г. Цит. по: [Secrétan L., 1912, p. 267].

⁴ Ярким проявлением гельветической струи в его творчестве служит хрестоматийное стихотворение «Озеро» (Le lac), бывшее в 1830-х гг. в числе одного из самых любимых не только в городах, но и в сельской местности кантона Во, о чем любил вспоминать Секретан [Secrétan L., 1912, p. 35]. В своей элегической медитации французский романтик персонафицирует Женевское озеро, ведя с ним задушевный исповедальный диалог. См.: [Французские стихи, 1969, с. 246–251].

И надо сказать, что его увлечение романтической поэзией оставило след в стилистике его философских работ до конца его творческого пути. Хотя, как замечает его биограф, «поэзия не была его языком, пусть он ее и любил» [Secrétan L., 1912, p. 62]. Но в ней он воспевает свой философский абсолют – свободу, звучащую у него в поэме «Прогулка к Ольденгорну» (1837–1859) вместе с тишиной и величием, которые им читаются в книге гор, за что философ-поэт и благодарит Бога [см.: Ibid., p. 129].

Редко встречаются философы столь порывистые и искренние при всей серьезности и верности своему религиозно-морально-философскому призванию. Увлеченный как своим религиозным чувством, так и пробуждающейся в нем силой ума, заядлый спорщик, стремительно реагирующий полемист, Секретан в молодости нередко провоцировал собеседника высказаться, чтобы тут же наброситься на его мнение. Он задирист в беседах-спорах, непримирим, слишком увлекаясь развиваемой им диалектикой. Одним словом – «смирненное сердце и гордый ум» (письмо ему А. Вине от 26 февраля 1839 г.). И далее его старший друг добавляет: «Вы не видите человека. Вы видите одну лишь идею» [Secrétan L., 1912, p. 143]. Великий человек был рядом с будущим философом свободы! И правы те историки философии, которые считают, что первым по значимости для Секретана как философа было влияние даже не Шеллинга и Канта, а Вине. Читая биографию Секретана, можно добавить – а также всего круга Вине, включая и его супругу. Думается, что вообще вклад женской составляющей в духовное созревание творческой личности Секретана нельзя не заметить. Женщины связались в его душе и памяти с обостренным и стойким религиозным чувством. Таков был опыт его долгой жизни. Поэтому неудивительно, что он много, особенно во второй половине жизни, писал об эмансипации женщин, набрасывая при этом очерк метафизической, а не только психологической или моральной характеристики женщин⁵. Конечно, вопрос о равноправии женщин в европейских обществах с особенной остротой был поставлен именно в это время. Мы хорошо знаем о том по нашей литературе. Да, Секретану свойственно было следить за веяниями века сего. Но то, как он на них откликался, мы узнаем из его жизненного опыта больше, чем из современной ему общественно-политической дискуссии на эту тему.

Дух универсализма питает активность Секретана с молодости. Распознав его в своем молодом друге, Вине одобрил его идею о создании франкоязычного журнала «Швейцарское обозрение», главным редактором которого, начиная с 1838 г., стал его ученик. Секретан стремился собрать воедино интеллектуальную элиту страны всех гуманитарных сфер, включая религию как духовный центр деятельности человека, а также философию, литературу, историю, поэзию... Кстати, Амьель, женевский профессор философии, ставший посмертно известным своим «Дневником», сотрудничал с журналом Секретана и даже, как пишут некоторые историки, дружил с ним, подобно многим другим интеллектуалам Швейцарии.

В 1840 г. Секретан пишет диссертацию «О душе и теле. Фрагмент введения в психологию», явившуюся прелюдией к его философии свободы (опубликована в 1841 г.) [Secrétan Ch., 1841]. В ней высказываются идеи немецкой классики. Но ясно просвечивает и подход к собственной оригинальной метафизике свободы. Осмысление истории духа, единой эволюции природы и человека, отсылающей к Творцу мироздания, местами напоминает интуиции Бергсона, на что справедливо указывает Маурер. Например, Секретан здесь пишет, что «для духовной жизни прошлое остается настоящим, по крайней мере, может им стать благодаря свободе. Принятое

⁵ Например, в книге «Моя утопия: новые моральные и социальные этюды» [Secrétan Ch., 1892, p. 63]. Этюды «Турин» и «Гора Св. Женевьевы» в этой последней вышедшей при жизни Секретана книге целиком посвящены женской составляющей социальной проблемы, а также проблемы семьи и ее прав.

памятью без забвения наслаждается вечной длительностью (*durée*)» [цит. по: Secrétan L., 1912, p. 188]. Бросается в глаза, что колорит фразы, включая последний ее термин, – бергсоновский. Творческая эволюция мирового целого ведет к свободно-му человеку, свобода которого доказывает свободу Бога, являющегося абсолютным первоначалом. Диссертация, официальной целью которой было подтверждение прав на занятие должности профессора философии, послужила наброском будущей «Философии свободы».

В статье Маурера справедливо отмечаются, пусть и вскользь, идейные ходы, приоткрывающие возможности новой философской мысли начала XX в., отсылающие и к Бергсону, и к прагматизму, и даже к Ойкену. Верно в ней схвачен также и дух мировоззренческого либерализма Секретана – нацеленность на примирение противоположностей, но не столько диалектикой гегелевского типа, сколько конкретными философско-идеологическими морально-социальными программами, вплоть до утопических построений, какими он завершил свой путь философа свободы. Истинный либерализм в глазах Секретана – это всегда тенденция к примирению полюсов антагонизма, стремление избежать радикализации конфликта. Правда, сегоднешние либералы вряд ли примут секретановскую версию либерализма...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Александр Маурер Шарль Секретан: эволюция его мысли¹

В Лозанне его называли Философом (*le philosophe*), и были правы, так как он был и мудрецом и систематическим умом.

Вот уж мудрец! – возразит мне, быть может, некий читатель книги, которую мадмуазель Луиза Секретан посвятила памяти своего отца, – в чем же вы видите мудрость этого человека, кипящего взрывной энергией и агрессивного, который, женившись, не имея для этого ни достаточного состояния, ни утвердившегося положения в обществе, бросается в политическую потасовку и нападает на правительство, от которого зависит только что полученная им должность, так подходящая для его склонностей? Конечно же, он будет проявлять сдержанность, его друзья и супруга будут стараться умирить его пыл, а испытания, которые он встретит, и набегавшие года мало-помалу сгладят его юношескую страстность, и он, пренебрегающий мыслью других людей и буквально победно раздавливающий не слишком крепко сшитое интеллектуальное построение или поспешное утверждение, не беспокоясь об извинении, в конце концов станет, как частенько говаривал Феликс Бове², столь скромным, когда на него нападают, что будет соглашаться с тем, что его оппонент прав, признаваясь в собственном невежестве. О, нет, конечно, нет, Секретан никогда не был мудрым. Но нужно признать, что он им стал.

Что же касательно характеристики Секретана как систематического ума, то вот еще одно суждение, заслуживающее возражения. Секретан не только никогда не был

¹ Перевод сделан по изданию: [Maurer, 1913]. Все примечания принадлежат переводчику.

² Теолог, профессор литературы, директор Швейцарской библиотеки, самый близкий из всех многочисленных друзей Ш. Секретана, связанный с ним исключительно духовно-идейной близостью, будучи далеким от него как по возрасту (на девять лет моложе), так и по другим внешним обстоятельствам жизни. Им оставлены воспоминания о Секретане, включенные в его книгу: [Bovet, 1906].

человеком системы, но никогда им и не стал. Вся его карьера философа от начала и до конца была борьбой с эмпиризмом, ему случалось даже восклицать: «Эмпиризм – вот враг». Да, он уважает Локка как противника чрезмерного рационализма картезианской школы и создателя теории познания, но он отвергает его сенсуалистическую психологию из-за того, что она ведет к материализму, заставляя уверовать, что мышление – всего лишь вспомогательный элемент мирового механизма.

Выше всех систем, основанных на чувственном опыте, он помещает системы своих немецких учителей, согласно которым реально существует один только дух. Однако полностью их принять он не может. У него натура апостола, и он догадывается, что для того, чтобы убеждать, нужно быть понятым. Итак, он отдает себе отчет в том, что концепция мира всецело духовного с трудом усваивается обычной публикой. Таким образом, чем больше он погружается в жизнь, тем больше отказывается основывать свою философию на немецком идеализме.

Если теперь мы посмотрим, с какой энергией и по каждому случаю он атакует детерминизм, то порой возникает соблазн определить его как скептика. Однако вскоре к нам приходит понимание, что любопытство ума никогда не было самым глубоким мотивом его активности, что он погружался в различные вопросы не для того, чтобы наслаждаться их решениями, но чтобы выбрать те из них, которые представлялись ему наиболее полезными для морального руководства в жизни.

Если же непременно хотят зачислить Секретана в определенную категорию философов, то скорее можно было бы поставить его в разряд мистиков. Однако следует признать, что Секретан насыщает мистическое соединение с Богом таким обилием умозаключений, что невольно ловишь себя на мысли поместить его среди самых последовательных рационалистов. Но философия свободы, являющаяся мистическим исповеданием его веры, не есть система, если под системой понимать ансамбль идей, держащихся на единственном принципе. Секретан в философии свободы говорит о двух свободных существах – Боге и человеке. Зло, имеющееся в мире, признается исключительно делом человека, и чтобы это доказать, Секретан принимает старую теорию доисторического грехопадения (*chute préhistorique*). Эта восточного происхождения традиция, подхваченная христианством и трансформированная адептами естественной религии так, чтобы вменить грехи века коррумпированности Церкви, рассмотренная немецкими идеалистами как отправная точка обновленного человечества, становящегося все более и более индивидуалистическим и прогрессистским, восстановленная и истолкованная, наконец, теократической школой с целью приписать злые беды, от которых страдает современное человечество, рационалистическому движению, идущему от Реформации к неверию девятнадцатого столетия, – вот эта самая традиция, говорю я, воодушевлена чистой воды дуализмом и как таковая может служить переходным мостиком между богословием и философией, политеистическим плюрализмом и теистическим монизмом, но все же это вовсе не чисто рационалистическая система мысли.

Здесь мне хотелось бы прервать моего импровизированного собеседника и представить ему следующие соображения.

Да, конечно, нужно признать, что Секретан некоторое время пытался стать мудрецом, что и осталось в наших воспоминаниях о нем. Также нужно признать и то, что не был он и сторонником твердо фиксированной во всех своих частях философской системы. Но это ничуть не угрожает его оценке как сильного мыслителя. Напротив, он не был однодумом, человеком единственной мысли, изменяясь в своих взглядах вплоть до конца своего философского пути. Смелый реакционер в молодости, передовой человек на старости лет, Секретан напоминает нам Паскаля, который участвовал в религиозной реакции семнадцатого столетия, будучи при этом в сердцевине самой его ортодоксии новатором, заставлявшим мощью своей, подобной силе Самсона, содрогаться здание, священный пилон которого он с такой же

силой обнимал. Столь же умозрительно можно сопоставить Секретана и с Гладстоном. Оба были консерваторами в начале своей карьеры, изменившимися впоследствии так, что не отступали перед самыми смелыми новыми идеями.

Читая историков философии, могут подумать, что философские системы возникают и сменяют одна другую, не вмешиваясь в жизнь. Но если изучать их в целостном ансамбле общественных явлений, то сразу же замечают, что они выступают результатом сотрудничества интеллектуальных элит и активно действующих объединений (*collectivités*).

Декарт не только обновил средневековый дуализм, но еще и вскрыл глубокий внутренний антагонизм, подрывающий Францию. И тот вклад, которым его ученики дополняли или видоизменяли доктрину учителя, разве не являлся он продуктом их личного характера, определяемого в свою очередь духом народа, к которому они принадлежали? – Так Локк, истинный англичанин, смягчает картезианский рационализм тем значением, которое он придает опыту. – Монады же Лейбница не только представляют собой синтез атомов Демокрита и идей Платона, но выступают еще и философским отражением полутора тысяч независимых или полунезависимых государств тогдашней имперской Германии, эволюционировавших параллельно, без «окон», направленных друг на друга и сгруппированных вокруг имперской власти, служившей им скорее традиционным центром притяжения, чем реально действующим. – Взятый на подозрение и христианами, и иудеями, ортодоксами и вольнодумцами, лишенный и родины, и церкви, Спиноза отходит от картезианского дуализма лишь для того, чтобы в новой форме утвердить религиозный монизм древних пророков Израиля. – И, наконец, не Кант ли наиболее успешный представитель одновременно твердокаменного и гибко-рассудительного духа Пруссии, суть которого Фридрих Великий превосходно сформулировал, сказав своим подданным: «Рассуждайте сколько хотите, но, черт побери, исполняйте свой долг»?

Подобно всем этим мыслителям, Секретан тоже исходит не от одних лишь предшествовавших ему философов, являясь интерпретатором своей эпохи и своего народа. В течение шестидесяти лет его философского апостольства интересы интеллектуальной элиты не оставались неизменными. Властители дум эпохи Реставрации прежде всего старались воскресить престиж традиционных властей, существенно подорванный событиями революции и времен империи, побороть дух эмансипации, охвативший Европу, одолеть влияние Реформации и Ренессанса, враждебных умонастроениям и вкусам средневековья, рассматривая любое движение современной мысли как рецидив грехопадения наших прародителей и пытаясь поднять моральный уровень возвратом к убеждениям эры наивной веры в Бога.

Эпоха утилитаризма, начавшаяся с 1830 г. и протянувшаяся вплоть до конца Второй империи, принесла совсем другие интересы и заботы. В это время Европа оказалась сценой, на которой разыгрывались последствия тройной революции, долженствовавшей, на пороге девятнадцатого века, преобразить нашу старую Европу. Политическое движение, исходившее из Франции 1789 г., потрясло и постепенно устранило устаревшие институты дореволюционного режима; экономическая революция, начавшаяся в Англии, охватила весь мир, подтолкнув промышленников производить больше товаров, чем этого нужно для замкнутого рыночного хозяйства, тем самым дав импульс для того, чтобы все время искать новые рыночные возможности, взламывая преграды, препятствующие их пожирающей все активности; интенсивный моральный импульс направлял Вильгельмов Мейстеров и Фаустов к целостному развитию их способностей и с этой целью вовлекал в столь рискованные испытания, что если им это казалось нужным, то обрывались связи, связывающие индивида с семейным очагом, родным краем, религией и отчизной. Волна утилитаризма грозила захлестнуть и задушить поэзию, религиозную веру, бескорыстную

мысль и альтруистическую мораль, одним словом, все то, что могло сопротивляться или мешать жажде обогащения и наслаждения.

В итоге волна утилитаризма тем не менее оказалась благоприятной для продвижения вширь индивидуальных энергий людей, побуждая их ценить действия, приносящие полезный эффект. Однако, стимулируя энергии, она должна была увеличить число практических умов, признававших, что для успеха в деятельности концентрация сил лучше, чем их распыление. Отсюда – развитие политического и экономического империализма, отмечающего конец девятнадцатого века и начало двадцатого. Активность масс подавляет активность индивидов. Большие нации не довольствуются централизацией своих военных ресурсов и вступают в системы союзов все более и более грозных; со своей стороны, промышленные структуры уже больше не следуют обособленно своим путем, чтобы завоевать себе тот или другой ограниченный рынок, а концентрируют свои усилия для атаки на всемирный рынок; перед лицом таких объединений оформляются классово мотивированные и солидарно сплоченные силы, возрастающее влияние которых, быть может, призвано к тому, чтобы последствиями своей работы однажды нейтрализовать межнациональную враждебность.

Принимаемая Секретаном установка варьировалась в зависимости от обстоятельств, в смене которых развивалась его карьера. Счастливым обстоятельством было то, что вскормившая его колыбель находилась в том перекрестке Европы, где пересекаются, взаимно пронизывая и корректируя друг друга, две великие цивилизации. Поэтому Секретан был призван осуществить синтез двух течений мысли, одно из которых идет от латинской Европы, а другое – от германской.

Латинская Европа порождает две философии, выступающие верным отражением общества, разделенного на два особых лагеря – католический спиритуализм и материалистическое неверие. Эти два учения приобретают, особенно во Франции, черты резко противостоящих друг другу течений мысли, транслирующих остроту своего противостояния за пределы Франции. Теократическая школа де Местра и де Бональда оказывает существенное воздействие на Шеллинга и Фр. Шлегеля, в то время как материалистическое направление влияет главным образом посредством английской мысли. Подобно де Местру и де Бональду их немецкие сторонники объявляют себя противниками революции и для того, чтобы победить ее, атакуют не только ее последствия, но и причины, к ней приведшие.

Столетия, прошедшие от Ренессанса и Реформации, всем этим мыслителям представляются приносившими порядок в жертву прогрессу, прошлое – настоящему, сверхъестественное – материальному. Кроме того, вместо того чтобы, подобно картезианцам, а также последователям Фрэнсиса Бэкона и сенсуалистам, отправной точкой считать индивидуальное сознание, источник социального порядка они ищут в коллективном сознании, противопоставляя индивидуализму своих противников авторитет расы и традиции. С 1803 г. учитель Секретана, Шеллинг, присоединяется к позиции де Местра и де Бональда. В своей работе «Философия и религия», продолжением которой явились «Философские исследования о сущности человеческой свободы» (1808)³, он говорит, что вещи обязаны своим существованием тому, что отделяются от абсолюта. Род человеческий при своем возникновении получил откровение искусства, науки, религии и цивилизации при посредничестве существ более высокого ранга, чем сам человек, которые исчезли, посеяв божественные зерна совершенной культуры. За их исчезновением последовало постепенное ухудшение нашей планеты и человеческого рода. История такого падения является эпопеей в двух частях, одна из них – «Илиада», другая – «Одиссея»; первая рассказывает, как человечество отделилось от своего божественного центра, а вторая описывает

³ Закончены в указанном году, но вышли в свет впервые в 1809 г.

возвращение в оставленный дом родной. Кульминацией конфликта между индивидуальными волями и волей мировой явилось воплощение Христа, благодаря чему борьба добра и зла оканчивается упорядочиванием и возобновленным примирением вещей в лоне добра.

Отраженная в последней ветви шеллингианской мысли теократическая философия клерикальной Франции⁴ еще более четким образом была сформулирована Фридрихом Шлегелем. В своей «Философии истории», вышедшей в свет в 1827 г., он говорит, что произошло падение человека (*chute*)⁵. Отсюда и берет начало прогрессивно растущее воспитание человечества, организованное в целях его спасения Богом. Свобода, провидение и возможность зла – три фактора истории. Такая история совершенно отлична от натуральной истории. Человек вовсе не усовершенствованное животное; изначально он наделен зародышем божественности, долженствующей создать язык, мышление и всяческое движение, делающее человека хозяином земли. Человек, упав, утратил состояние невинности и мудрости; таким образом, история – не что иное, как движение, устремленное к восстановлению утраченного. Исторические народы (*nations*) образуют единую цепь от юго-восточной Азии до северо-западной Европы. Их развитие охватывает четыре периода: сначала на Востоке (1); потом в политическом мире Персии, Греции и Рима (2); затем в христианской Европе средних веков (3); наконец, в современной Европе (4).

История восточного мира свершается внутри духа, представляя собой последовательное развитие четырех способностей человека – разума в Китае, воображения в Индии, практического ума у египтян и воли у иудеев. История Персии, Греции и Рима развивается в направлении, противоположном движению истории азиатского Востока; она устремлена к внешней организации человечества, которая старается рядом последовательных попыток осуществить переустройство материального единства мира. В христианскую эпоху под эгидой папы организуется одновременно и внутренняя, и внешняя жизнь человечества – счастливый период, к концу своему обеспокоенный Реформацией, давшей сигнал революционной дезорганизации, предел которой, наконец, поставила реставрация легитимной власти.

Логическое истолкование догмата грехопадения таким образом приводит немецких адептов теократической школы к тому, чтобы увидеть в свободе истинную причину зла, существующего в мире, с воодушевлением бороться с ней и с использованием разума и всех индивидуальных инициатив, сопровождающих осуществление исторической преемственности⁶.

Итак, Секретан исходит из тех же самых принципов, что и теократическая школа; как же случилось, что он приходит к противоположным заключениям, согласно которым в его глазах история предстает как возрастание индивидуального сознания, постепенного высвобождения моральной личности и восхождение к общественному организму все более и более совершенному, в котором каждый призван играть роль соответственно его особенной природе? Благодаря тому, что в душе Секретана латинская идея бога как централизованной инстанции, скроенная по модели Филиппа II, Людовика XIV или Наполеона, мало-помалу уступает место идее бога, осуществляющегося в индивидах, одушевленных гением (*génie*) милосердия⁷.

⁴ Сомнительная мысль, приписывающая, на наш взгляд, слишком большую весомость влиянию на Шеллинга французских традиционалистов времен Реставрации.

⁵ У Шеллинга исходное падение, прежде всего человека как рода, понимается как *отпадение* от Бога, абсолюта или идеи, как *отделение* от высшего и абсолютного.

⁶ Слишком упрощенная трактовка взглядов традиционалистов и романтиков, которые как раз и были самыми пламенными сторонниками идеала свободы, прежде всего именно индивидуальной. Личное религиозное обращение некоторых из них мало что в этом поменяло.

⁷ Здесь напрашивается сопоставление секретановского гения, или духа милосердия, с «Гением христианства» у католика Шатобриана, который, на наш взгляд, действительно был близок к «теокра-

Со временем Секретан все больше и больше понимает, что религиозная мысль латинского мира суха в своем аналитизме⁸, раскалывая бытие на две абсолютно различные половины – силы добра и силы зла, Бога и Природу, дух и тело, мужчину и женщину, священника и светского человека, Церковь и Государство, – антагонизм между которыми может разрешиться лишь полной победой одной или другой стороны. Религиозный гений Секретана, испытавший воздействие мистического дуновения романтической Германии и движения английского Пробуждения⁹, ищет менее химерическое решение загадки бытия, чем абсолютный дуализм, стремясь соединять вместо разделения и устанавливая ассоциации вместо субординации. Для него добро и зло, универсальное и индивидуальное прекращают быть отделенными друг от друга, подобно дню и ночи; он приходит к тому, чтобы видеть их смешивающимися, взаимно проникающими, обуславливающими друг друга. Бог и Природа, дух и тело перестают быть абстракциями с тем, чтобы войти во все более и более конкретизирующееся единство. Секретан считает, что мужчина и женщина не обречены ни жить изолированно друг от друга, ни быть рабами друг у друга; будучи различными по природе и не находящимися ни в какой иерархии ранга между собой, они призваны дополнять друг друга; священник же, т.е. человек, живущий исключительно духовно, и светский человек, живущий единственно лишь ради материальной жизни, – вот две чудовищные формы человеческого существования, от которых будущее должно нас избавить и вместе с тем устранить радикальный антагонизм между институциями морального убеждения и структурами материального принуждения, называемыми Церковью и Государством.

Хотя дух Реставрации претерпел ряд поражений в сознании Секретана, тем не менее он в нем удерживается в измененной, без сомнения, форме, но в то же время всегда готовый оспаривать посягательства на него со стороны утилитарной и эмпирической традиции. Дух этот влечет Секретана сохранять две фундаментальные идеи его метафизики – грехопадения и сущностного единства человеческого рода. И духу Реставрации это тем более легко удастся, что обе указанные идеи были истолкованы Кантом в благоприятном для свободы и дела цивилизации смысле.

тической школе» де Местра и де Бональда. Если Секретан и был учеником «теократической школы», то слишком незначительное время, поскольку всегда, будучи пламенным протестантом-обновленцем, он ставил мораль и все с ней связанное на первое место. Примат морали над бытием, со-единенный с доминирующей над его сознанием идеей прогресса, привел Секретана к прекрасо-душной моральной утопии, кричащим образом опровергнутой окопами августа 1914 г.

⁸ Гейне, немецкому романтику, жившему в Париже после 1830 г., в его пронизанной ностальгией поэме «Германия. Зимняя сказка» атмосфера французской столицы предстает в точности в тех же тонах: “Nur der Verstand, so kalt und trocken, // Herrscht in dem vitzigen Paris...” (Лишь рассудок, такой холодный и сухой, // Царствует в остроумном Париже...).

⁹ Обновленческое движение (Awakening, Réveil, Erweckungsbewegung – Пробуждение) в европейском протестантизме. Исторические корни его уходят к общинам «Моравских братьев», основные идеи которых были подхвачены британскими пресвитерианцами и методистами, обвинявшими официальную церковь в измене истинному христианству. В романской Швейцарии оно появляется с 1814 г. Его женевские представители вышли из состава государственной церкви в 1831 г., основав евангелическое общество. А в 1848 г. различные диссидентские религиозные группы объединились, создав евангелическую «Свободную церковь» (l'Église libre), духовным лидером которой стал Александр Вине, старший друг и учитель Секретана, один из самых влиятельных протестантских реформаторов XIX в. На наш взгляд, поворот в философской эволюции Секретана во многом можно представить как пробуждение у него идей «Пробуждения», носящих подчеркнута морально-социальный, воспитательный и образовательный характер. Неслучайно, что в свой поздний период Секретан издает переписку А. Вине и становится социально-политическим мыслителем-моралистом, борющимся за права женщин, интересы рабочего класса и т.п.

Итак, когда утилитаристское течение достигает своего подъема, Секретан вступает на стороне моральной энергии с тем, чтобы бороться против расслабляющего воздействия оптимистов, пытающихся заставить уверовать в автоматический прогресс, продвижение которого было бы обеспечено просто игрой свободных эгоизмов. Перед лицом растущего детерминизма он считает, что превосходство моральной идеи должно быть жизненно важным элементом современной мысли, а мы, руководимые ею, должны подхватить и обновить дело реформаторов шестнадцатого века.

Секретан также вступает в схватку тогда, когда моральное развитие индивида оказывается под угрозой со стороны крепнущего милитаристского, капиталистического и социалистического империалистического натиска. Подобно Карлейлю, он противопоставляет движению масс и коалиции материальных интересов активность индивидуальностей, души которых, расширяясь, вибрируют в унисон со всеобщими интересами человечества. Будущее, на которое можно повлиять в благоприятном для гуманитарного интереса направлении, занимает его больше, чем прошлое, фаталистический нажим которого его пугает. Отсюда проистекает его пристрастие к естественному праву, уменьшающему до минимума принуждение, без которого политические и правовые структуры не могут обойтись. Отсюда его симпатия по отношению к усилиям, направленным на преодоление несчастий войны и бедности (*du prolétariat*). Отсюда его кампания в защиту мер, способных улучшить положение женщины. Отсюда, наконец, его неизменное убеждение, что восход эры справедливости возможен лишь благодаря моральной реформе, увлекающей нас за пределы узко понимаемой индивидуальности и открывающей нам радость причастности к тому, что является вечным и универсальным¹⁰.

В трудах по истории философии упоминание о Секретане сводится к тому, что он является автором «Философии свободы» и в таком качестве принадлежит к шеллингианской школе. Его же работы о принципе и значении морали, о социальных проблемах и в особенности его замечательная книга «Цивилизация и вера» прошли незамеченными. В чем же причина такого невнимания? Не в том ли, что читателю трудно ориентироваться в произведениях, в которых нередко отсутствуют оглавление, а также алфавитные, именные и предметные, указатели? Или же дело здесь в том, что нелегко поместить мысль Секретана в четко определенную философскую систему? Или причиной тому его колебания между методом интуиции и приемами доказательства утверждений или же его стремление послужить философии так, чтобы она стала больше руководством практической жизни людей, чем теоретическим вкладом в архитектуру человеческой мысли? Возможно, все перечисленное вместе послужило тому, что я только что отметил. Поэтому публикация его сочинений, снабженных всеми необходимыми для пользователя указателями, способными облегчить доступ к их содержанию, была бы подлинной услугой его памяти. Большой интерес в равной мере представляет и задача так сформулировать мысль Секретана, чтобы, избежав утомительных диалектических рассуждений, высветить его гениальные интуиции, отзвуки которых обнаруживаются в работах большинства великих философов современности.

Не выступают ли прелюдией «Творческой эволюции» Бергсона те страницы «Цивилизации и веры», на которых Секретан показывает, что эволюция является сущностной формой творческого процесса, а развитие человека как индивида – наиболее естественным символом универсальной эволюции?

А мысль Секретана о том, что «первый принцип, утверждающий религию, состоит в том, что наилучшие вещи – самые устойчивые вещи, которые переживают

¹⁰ Эта сторона деятельности Секретана не может не напоминать аналогичной позиции Габриэля Марселя, которому были близки, думается, не только, как он сам признавался, некоторые страницы его «Философии свободы», но и, пусть частично, его социально-политические идеи.

все другие и будут последним основанием (*le dernier mot*) универсума», не является ли фундаментальной идеей прагматизма Джеймса?

А идея созидающей свободы, сотрудничества целого и части, Бога и человека, идеала и реальности; суровая критика, которую Секретан обрушивает на всю нашу цивилизацию и на чисто статическую концепцию религии; поклонение, в котором он признается, перед возвышенной идеей христианства о том, что Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом, – все эти проявления мысли зрелого Секретана не находим ли мы в произведениях Ойкена?

Душа Секретана отзывалась не только на все общие течения европейской мысли, но наш соотечественник как своей жизнью, так и произведениями выразил и самые глубокие стремления нашего национального духа.

Подверженная случайностям природа нашей страны толкает нас к разобщению. Напротив, история нас сближает; она допустила, чтобы в деле свободы сотрудничали все более и более разнородные силы. Она объединила горцев, компактно проживающих вокруг озера Четырех Кантонов, лесные кантоны и кантоны городские, католическое население и протестантское, землепашцев и горожан, германцев и латинские народности. Она также сплавила воедино соперничающие интересы регионального уровня, общественные и этнические. Таким образом, идея кооперации, выявляющаяся за этим развитием федералистского начала, в значительной степени послужила тем импульсом, который руководил мыслью Шарля Секретана. Она проявилась в религии, метафизике, психологии, морали и социологии, в соработничестве Бога и человека, всеобщего и частного, рефлексивной мысли и ощущения, идеального и реального, коллективного сознания и сознания индивидуального. И более того, эта идея одушевила не только мысль Секретана, но и его жизнь.

Действительно, к привычкам его первичного воспитания, существенным образом латинского, присоединились влияния немецкой мысли. Его брак с католичкой, с которой он пятьдесят лет прожил в самой совершенной гармонии, поднял его на ту высоту христианства, где оно господствует над церковными обособлениями. И на закате своей жизни он все еще мечтал о таком образе жизни для всех, когда ручной труд на свежем воздухе гармонично бы чередовался с умственными кабинетными занятиями, как это до сих пор имеет место во многих регионах нашей родины¹¹. Его чаяния были страстно устремлены к такой социальной организации,

¹¹ Автор здесь и сразу далее имеет в виду прежде всего первый очерк из книги семидесятилетнего Секретана «Моя Утопия. Новые моральные и социальные этюды» [Secrétan Ch., 1892]. В нем в изобретательно сконструированной литературной форме рассказа «ученого кузнеца», увиденного автором во сне на лоне альпийской природы, дается очерк из страны будущего, когда мирным парламентским путем посредством всеми уважаемого всеобщего избирательного права сменится социально-экономический и политический режим под воздействием новых передовых прогрессивных и, главное, по-настоящему рациональных моральных идей, и люди постепенно примут новый образ жизни. Врагом номер один такой гармонической разумной и счастливой жизни для всех «ученый кузнец» называет «роскошь» во всем. Приятный, уютный и рациональный протестантский рай ощущается читателем этого очерка близким утопическому социализму либерально-синдикалистского типа. Ключевые слова этого утопизма – «участие», например, рабочих в управлении предприятиями, и «ассоциации». Совсем не странно, что в конце «железного века» (А. Блок) по всей Европе, включая Россию, распускаются сладенькие пузыри просветительских наивностей, лопнуть которые заставил август 1914 г. У нас подобные рационально-моралистические наивности сеял с присущим ему во всем неистовством Лев Толстой, так горячо обсуждавший, как и неизвестный ему Шарль Секретан, например, неестественность признания права частной собственности на землю. Оба мыслителя жили в одно время, оба были серьезно захвачены в молодости Руссо, кстати, женевицем, питались одной интеллектуальной культурой, читали одни книги, в частности столь популярного тогда Генри Джорджа. Если одним словом выразить всю эту вдруг открывшуюся тему, то можно сказать, что *mutatis mutandis* русское утопическое толстовство и швейцарское «секретанство» были культурно-историческими гомологами в лоне единого европейского хронотопа.

которая основывается на кооперации и предназначена прекратить конфликты труда и капитала.

Этот удивительный жизненный путь, посвященный одной идее, являющейся по сути дела и ведущей идеей нашей страны и имеющей шанс стать, быть может, идеей будущего мира, находит свое отражение в прекрасной книге, недавно переизданной биографии Секретана¹², в которой его дочь Л. Секретан представляет жизнь и творчество своего отца и где она дает нам почувствовать, как при посредничестве фигуры апостольского типа соединяются между собой прошлые поколения с поколениями сегодняшнего дня, как издалека идущие влияния, передающиеся от отца к сыну, сочетаются с влияниями родной среды и заграницы с тем, чтобы произвести личность, наделенную как большими талантами, так и благородными порывами (instincts).

Тропы, по которым движутся философы, обычно не считаются путями, предлагающими привлекательные развлечения. Читая эту книгу, мы решительно расстаемся с этим мнением. В ней мы находим всегда находящуюся в движении жизнь мыслителя, который надеялся, заблуждался, страдал и боролся, как и все мы, но который, кроме того, нас еще и стимулирует тем, что открывает нам утешительные подходы к лучше, чем наше, организованному человечеству.

Перевод с французского языка и примечания В.П. Визгина

Список литературы

Визгин, 2022 – *Визгин В.П.* Философия свободы Шарля Секретана // История философии / History of Philosophy. 2022. Т. 27. № 1. С. 68–83.

Французские стихи, 1969 – Французские стихи в переводе русских поэтов XIX–XX вв. на французском и русском языках / Сост., вступ. статья и коммент. Е. Эткинда. М.: Прогресс, 1969. 614 с.

Bovet, 1906 – *Bovet F.* Lettres de jeunesse. Paris: Fischbacher, 1906. 408 p.

Maurer, 1913 – *Maurer A.* Charles Secrétan: L'évolution de sa pensée // Revue de Théologie et de Philosophie. 1913. Nouvelle série. Vol. 1. No. 1. P. 51–62.

Secrétan Ch., 1841 – *Secrétan Ch.* Fragment d'une introduction générale à l'anthropologie philosophique. Lausanne: Impr. chez S. Delisle, 1841. 119 p.

Secrétan Ch., 1892 – *Secrétan Ch.* Mon utopie: nouvelles études morales et sociales. Paris: Felix Alcan, 1892. 304 p.

Secrétan L., 1912 – *Secrétan L.* Charles Secrétan, sa vie et son oeuvre. Quatrième édition. Lausanne: Payot, 1912. 544 p.

Alexandre Maurer Charles Secrétan: the Evolution of His Thought

Preface, translation and commentaries by Victor P. Vizgin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: vizgin.victor@yandex.ru

The article by the Swiss author, published in translation, vividly and expressively reveals the nature of the personality and work of Charles Secrétan (1815–1895), an outstanding philosopher of Switzerland of the 19th century, in the historical context in which they developed. The author of the article convincingly shows the difficulty of unambiguous historical and philosophical

¹² В подстраничной библиографической сноске автора указано издание [Secrétan L., 1912], но с дополнением, что это первый том. Однако в факсимиле этой книги, что у нас на руках, нет указания, что это именно первый том. Насколько нам известно, второго тома никогда не выходило.

characteristics of Secretan's philosophy, which is based on the religious-metaphysical doctrine of freedom and moral obligation. Maurer approaches the coverage of Secretan's philosophy, trying to understand it not only as a result of certain philosophical and religious influences, but also as a reflection of "his time and his country". The author of the article presents the evolution of Secretan's work as a departure from the speculative-deductive method of German idealists-systematists, characteristic of its first period, which is manifested in the Swiss philosopher's appeal to the actual moral and socio-political problems of his time. Maurer's article can be useful not only to specialists in the history of philosophy, but also to a wider circle of readers interested in the thought of the 19th century, without knowledge of which it is impossible to understand modern Western philosophy.

Keywords: Charles Secretan, Swiss philosophy, freedom, creation, the fall, redemption, German Romanticism, Latin and Germanic cultural traditions

References

- Bovet F. *Lettres de jeunesse*. Paris: Fischbacher, 1906. 408 p.
Francuzskie stichi v perevode pussjich poetov XIX-XX vekov na francuzskom i russkom yazukach. Moscow: Progress Publ., 1969. 614 p. (In Russian)
- Maurer A. Charles Secrétan: L'évolution de sa pensée, *Revue de Théologie et de Philosophie*, 1913, nouvelle série, vol. 1, no. 1, pp. 51–62.
- Secrétan Ch. *De l'âme et du corps: Fragment d'une introduction générale à l'anthropologie philosophique*. Lausanne: Impr. chez S. Delisle, 1841. 119 p.
- Secrétan Ch. *Mon utopie: nouvelles études morales et sociales*. Paris: Felix Alcan, 1892. 304 p.
- Secrétan L. *Charles Secrétan, sa vie et son oeuvre*. Quatrième édition. Lausanne: Payot, 1912. 544 p.
- Vizgin V.P. Filosofia svobody Charle'a Secretan'a [The Charles Secretan's Philosophy of Freedom], *Istoria filosofii / History of Philosophy*, 2022, vol. 27, no. 1, pp. 68–83. (In Russian)